

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НА КУБЕ

А. М. Зорина

Великая Октябрьская социалистическая революция прозвучала набатным колоколом, поднявшим на борьбу угнетенные народы всего мира. Она оказала огромное влияние на освободительное движение народов Латинской Америки, способствуя кристаллизации сил, несших в рабочее движение идеи марксизма-ленинизма, подготавливая тем почву для создания здесь коммунистических партий. Величайшее значение имела Октябрьская революция и для Кубы.

Вопрос о развитии революционного рабочего движения на Кубе в последовавший за Великим Октябрем период еще слабо изучен как советской, так и прогрессивной зарубежной историографией. Интерес к этой проблеме, особенно за последние годы, в связи с победой социалистической революции на Кубе, значительно возрос, и советские историки в своих монографиях и статьях уделяют ей заслуженное внимание¹. Большая исследовательская работа проводится в настоящее время исторической комиссией при Центральном Комитете Компартии Кубы и отдельными кубинскими историками: Педро Сервиатом, Хуаном Маринелью, Хулио Ле Риверендом, Серхио Агирре и другими.

Было бы, конечно, преувеличением утверждать, что кубинский пролетариат сразу же полностью воспринял и понял все глубочайшее значение и размах Октябрьской революции 1917 г. и вызванных ею коренных преобразований. «На нашем далеком от России острове,— подчеркивает видный кубинский писатель и общественный деятель Х. Маринелью,— важное значение революции 1917 г. было понято не сразу. Многие даже политически сведущие люди считали, что в России, где народ жил в условиях, близких к крепостничеству, революция неизбежна, но они не могли оценить истинную природу и масштабы этого события»². И без того скудные сведения о событиях в России, доходившие до Кубы, всячески замалчивались и искажались как официальной, так и оппозиционной печатью, отражавшей интересы буржуазно-помещичьих кругов. Реакционные газеты и журналы писали о «неприятных

¹ См., например: Н. М. Лавров. Рабочее и национально-освободительное движение в странах Латинской Америки на первом этапе общего кризиса капитализма. М. 1956; е го же. Страны Латинской Америки в период революционного подъема 1918—1923 гг. «Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг.», М. 1957; А. М. Зорина. Великая Октябрьская социалистическая революция и страны Латинской Америки. «Вопросы истории», 1949, № 9; е е же. Куба 1918—1923. «Всемирная история». Т. 8. М. 1961; В. И. Ермолаев. Прогрессивные деятели Латинской Америки о Великой Октябрьской социалистической революции. «Новая и новейшая история», 1957, № 4; е го же. Освещение проблем Октябрьской социалистической революции в прогрессивной исторической и политической литературе стран Латинской Америки. М. 1961; И. Р. Григулевич. Культурная революция на Кубе. М. 1965; Э. Л. Нитобург. Политика американского империализма на Кубе. М. 1965; Л. Ю. Слезкин. История Кубинской республики. М. 1966.

² Х. Маринелью. Великий Октябрь и Куба. «Новая и новейшая история», 1966, № 5, стр. 69.

вестях», приходивших из России, льстили себя надеждой на то, что «большевики потерпят провал», и пытались убедить в этом читателей³, клеветали на Октябрьскую революцию, не гнушаясь распространять клевету даже о «национализации женщин»⁴ и т. п. К тому же следует иметь в виду, что основная информация из-за рубежа проходила через фильтр североамериканских телеграфных агентств и других организаций, оплачивавшихся империалистами.

Большая часть населения Кубы в этот период еще очень мало знала о рабочем движении в России вообще и об Октябрьской революции в частности, не получая достоверных сведений о развернувшейся там героической борьбе трудящихся масс, о ходе и характере революции, о том, что представлял собой авангард русского рабочего класса — партия большевиков, возглавляемая В. И. Лениным. Несмотря, однако, на проводившуюся в печати и поддержанную властями и буржуазными деятелями различных направлений разнузданную кампанию лжи и клеветы против Октябрьской революции и первого пролетарского государства в России, великие идеи Октября пробивали себе путь к массам сквозь все рогатки и препоны. Победа Великой Октябрьской социалистической революции явилась толчком к развитию социалистических идей на Кубе. Возник интерес к изучению ленинских работ. Забастовочная борьба, которую вели кубинские рабочие против дороговизны и за повышение заработной платы, стала чаще приобретать политический характер. У рабочих развилось классовое самосознание, появилась уверенность в своих силах.

Куба формально являлась с 1902 г. независимой республикой, но, фактически превращенная в полуколонию США, она представляла собой парламентарное буржуазное государство латифундистов и сахарных магнатов, политический режим которого был подчинен интересам американских монополий. Под давлением США еще в июне 1901 г. в конституцию Кубы была включена так называемая «поправка Платта», которая легла в основу ряда неравноправных договоров⁵ и предоставляла США неограниченное право вмешательства во внутренние дела страны. Пользуясь этим «правом», североамериканские империалисты неоднократно прибегали к вооруженным интервенциям и оккупации острова, когда там возникали народные восстания (1906—1909, 1912, 1917—1922 годы). Американские монополии всячески тормозили развитие обрабатывающей промышленности страны и, препятствуя разработке ее минеральных ресурсов — железа, меди, никеля, хрома, — эксплуатировали ее и как рынок сбыта и как источник аграрного сырья. Куба поэтому продолжала оставаться отсталой страной с ярко выраженным характером монокультурного аграрного производства (сахар, отчасти табак). Она была обречена на роль «близкого и неистощимого поставщика дешевого сахара... для одного-единственного рынка»⁶.

Рост экономической и политической зависимости Кубы от США вызывал недовольство не только народных масс, но и национальной буржуазии. Президентом Кубы в 1913—1921 гг. был лидер помещичьей партии консерваторов Марио Гарсия Менокаль. Бывший глава гаванской

³ См. «La Discusión», 8—12.XI.1917.

⁴ См. P. Serviat. 40 Aniversario de la fundación del Partido Comunista. La Habana. 1965, p. 67.

⁵ Так, в 1903 г. был заключен торговый «договор о взаимности», по которому в обмен на 20-процентное снижение таможенных пошлин на сахар, табак и другие кубинские продукты США получили почти 40-процентную тарифную скидку на ввоз своих промышленных товаров и сельскохозяйственных продуктов на Кубу. В июле 1904 г. вступил в силу «вечный договор» между США и Кубой, и в этом же году было подписано соглашение о передаче Соединенным Штатам морской базы в бухте Гуантанамо на востоке острова.

⁶ А. Нуñес Хименес. Республика Куба. М. 1963, стр. 52.

полиции и администратор централя «Чапарра»⁷, принадлежавшего «Cuban American Sugar Co», Менокаль пользовался полным доверием и поддержкой Белого дома. Когда выражавшая интересы торгово-промышленной буржуазии партия либералов при поддержке оппозиционной группировки помещиков в начале 1917 г. подняла вооруженное восстание, пытаясь свергнуть Менокаля, США, ссылаясь на пресловутую «поправку Платта», в феврале 1917 г. высадили на Кубе свои войска для охраны власти утвержденного кубинским конгрессом на новый срок президента Менокаля и оставались там до 1922 года. Официальные и неофициальные представители США позволяли себе теперь все более беззастенчиво вмешиваться во внутренние дела Кубинской республики. Менокаль же, выслуживаясь перед своими хозяевами, всячески содействовал проникновению американского капитала на Кубу. В итоге североамериканские монополии подчинили себе важнейшие отрасли народного хозяйства страны. Капиталовложения США в кубинскую экономику, составившие в 1913 г. 220 млн. долл., возросли после первой мировой войны до 1 400 млн. долларов⁸. На долю Соединенных Штатов приходилось 80,7% кубинского экспорта и 60,7% импорта, таким образом они контролировали почти всю внешнюю торговлю Кубы⁹. В 1918 г. в их руках было сконцентрировано до 50% сахароваренных заводов, которые перерабатывали 70% выращенного на Кубе сахарного тростника¹⁰. Они же фактически владели более чем половиной обрабатываемых земель острова, скупая и вырубая леса под плантации сахарного тростника, строя централи. Американские централи-гиганты располагали собственными железными дорогами и обширными латифундиями.

Во время первой мировой войны, в которую Куба вступила 7 апреля 1917 г. (то есть на другой же день после США), и вплоть до 1920 г. Куба переживала экономический подъем. Выработка сахара в результате сокращения его производства в Европе и роста спроса со стороны воюющих стран (особенно США) почти удвоилась и впервые в истории страны превысила 4 млн. тонн. Стоимость же этой продукции возросла с 1913 г. по 1919 г. в три с лишним раза, ибо цены на сахар росли с головокружительной быстротой. Североамериканские сахарозаводчики нажили в итоге колоссальные прибыли, достигшие 42 млн. долларов¹¹. Огромные суммы получили и кубинские сахарозаводчики, аристократы-землевладельцы, продававшие свои земли под плантации сахарного тростника. Сахарный бум, получивший на Кубе выразительное название «пляски миллионов», достиг своего кульминационного пункта в 1919—1920 гг., когда был снят правительственный контроль над ценами. Между тем, как упоминалось выше, в стране шла острая политическая борьба за власть между партиями либералов и консерваторов. США воспользовались сложившейся обстановкой для установления жесткого контроля над Кубой¹². Для «изучения общего политического и экономического положения» на острове туда в 1917 г. был направлен представитель Национального совета обороны США. Были значительно расширены полномочия американского военного атташе и военных советников. Прессу, почтовую и телеграфную связь подчинили строгой цензуре американских офицеров, а генеральный консул США взял на себя контроль над распределением на Кубе продуктов питания, угля, электроэнергии и т. п. Таким образом, бум сопровождался дальнейшим закабалением кубин-

⁷ Централь — завод по первичной переработке сахарного тростника.

⁸ M. Winkler. Investments of United States Capital in Latin America. Boston. 1928, p. 275.

⁹ См. «Американская торговля и промышленность». Издание акционерного общества Амторг в Нью-Йорке, ноябрь 1927, стр. 43.

¹⁰ L. Jenkins. Our Cuban Colony. N. Y. 1928, p. 281.

¹¹ Ibid., pp. 203—204.

¹² См. А. Нуньес Хименес. Указ. соч., стр. 52—53.

ского народа североамериканскими империалистами. Концентрация земельной собственности в руках незначительного числа могущественных компаний повлекла за собой разорение и пролетаризацию средних и мелких собственников, превращение свободных крестьян в зависимых арендаторов — «колонов», сдававших выращиваемый ими сахарный тростник центральям. Основную массу почти трехмиллионного населения Кубы составляли безземельные крестьяне, арендовавшие землю на кабальных условиях или работавшие батраками на плантациях иностранных или кубинских латифундистов. Кроме того, с других Антильских островов на Кубу тысячами ввозились батраки¹³, использовавшиеся здесь на самой тяжелой и низкооплачиваемой работе, что снижало и без того жалкий заработок «колонов» и сельскохозяйственных рабочих, вызывая их недовольство. Эти обстоятельства серьезно беспокоили буржуазных деятелей, опасавшихся революционного взрыва.

По мере усиления процесса концентрации и дальнейшего развития сахарной, табачной и некоторых других отраслей промышленности в столице республики Гаване и других крупных центрах росли кадры пролетариата. По данным переписи 1919 г., общее число лиц наемного труда на Кубе, включая сельскохозяйственный пролетариат, достигло 950 тысяч¹⁴. Почти миллион обездоленных, жестоко эксплуатируемых людей представлял собой для имущих классов грозную силу, с которой надо было как-то считаться. Но кубинскому пролетариату, несмотря на уже имевшиеся традиции и некоторый опыт классовой борьбы, еще не доставало главного — организованности и соответствующего уровня классового самосознания. Слаборазвитая экономика, отсутствие крупной обрабатывающей промышленности, ведущая роль сельского хозяйства при сохранении в нем докапиталистических пережитков и, как следствие этого, слабость фабричного пролетариата, большой удельный вес сельскохозяйственных рабочих — вот что обусловило раздробленность сил кубинского пролетариата, его политическую отсталость и распространение в его среде различных мелкобуржуазных настроений и взглядов.

Господствующими идейно-политическими течениями были анархизм и в особенности анархо-синдикализм (в значительно меньшей степени — реформизм). «Куба не имела независимой партии рабочего класса, — констатировал известный кубинский историк Серхио Агирре, — идеи научного социализма еще не были закреплены организационно и не стали достоянием страны. Не хватало профсоюзного центра трудящихся. Их предавали штрейкбрехеры, их обманывали реформисты, их дезориентировали анархисты, их развращали либералы и консерваторы»¹⁵. И все же было бы неправильным полностью отрицать известную положительную роль, которую на определенном этапе и в определенных условиях сыграл анархо-синдикализм на Кубе, содействуя развитию начальных форм организации и классовой борьбы пролетариата, критике оппортунистических теорий классового мира и сотрудничества. Большинство известных деятелей рабочего движения были анархо-синдикалистами или реформистами. И если одни из них начисто отвергали необходимость политической борьбы и самую идею диктатуры пролетариата, считая «прямое действие» и всеобщую забастовку единственным методом ведения классовой борьбы, то другие призывали к классовому сотрудничеству и достигению реформ в рамках легальной борьбы чисто экономического характера, к широкому использованию арбитража в конфликтах между рабочими и хозяевами. Общими для тех и других были идеи экономизма,

¹³ Например, с 1914 по 1918 г. более 150 тыс. батраков было ввезено из Гаити и Ямайки. См. «Historia de Cuba». Т. II. La Habana. 1965, p. 172

¹⁴ «Censo de la Republica de Cuba. Año de 1919». La Habana, p. 375.

¹⁵ S. Aguirre. Algunas luchas sociales en Cuba republicana. «Cuba Socialista». 1965, № 49, p. 113.

отрицания необходимости создания пролетарской партии и борьбы за завоевание политической власти как основного условия освобождения трудящихся масс от национального и социального гнета. Что же касалось еще весьма малочисленных кубинских марксистов, которых возглавлял ветеран кубинского рабочего и освободительного движения Карлос Балиньо, то они, являясь пионерами в распространении идей научного социализма, в то время еще сами не были вполне зрелыми марксистами и, уделяя главное внимание участию пролетариата в политической борьбе, подвергая справедливой критике анархо-синдикалистские и оппортунистические теории, недооценивали необходимость одновременной борьбы за непосредственные экономические требования рабочего класса. «Характерно,— констатирует кубинский историк и экономист Х. Ле Риверенд,— что спад анархистского влияния в рабочем движении начинается именно в 1917—1918 годах. Революция в России ярко показала ложность анархистских проповедей о свободе, а многие теоретики анархистов прямо выступили против Советской власти, присоединившись к общему хору реакционной пропаганды»¹⁶. Справедливость требует отметить, что наиболее передовые и жизнеспособные элементы в анархо-синдикалистских организациях, усваивая основные идеи и положения Октябрьской революции, переходили в лагерь убежденных сторонников и защитников первого пролетарского государства.

Период 1917—1920 гг., когда, несмотря на сахарный бум, жизненный уровень трудящихся резко снизился, так как при быстром росте цен правительство проводило политику замораживания заработной платы, был отмечен значительным размахом стачечной борьбы. Одна забастовка следовала за другой. Например, начавшаяся выступлением грузчиков в порту города Сантьяго в январе 1917 г. забастовка вскоре охватила и другие категории рабочих и в течение нескольких дней приняла всеобщий характер. Хозяевам для разгрузки судов пришлось обратиться к помощи солдат. В мае 1917 г. аналогичная забастовка в Гаванском порту длилась в течение двух недель, и представителям портовиков в переговорах, проводившихся при участии президента, удалось добиться требуемого повышения заработной платы. Примеру Сантьяго и Гаваны в августе 1917 г. последовали грузчики Матансаса. Учтя предшествовавший опыт, на подавление забастовки, длившейся двадцать дней, власти на этот раз бросили воинские части. Особо бурную реакцию имущих классов вызвала забастовка рабочих в сентральях провинций Матансас, Лас-Вильяс и Камагуэй. Продолжавшаяся с июня по декабрь 1917 г., она затронула главный нерв кубинской экономики — сахарную промышленность, поставив под угрозу очередную сафру (сбор урожая и переработку сахарного тростника). Этого сахарозаводчики допустить не могли и обрушили на забастовщиков отряды сельской гвардии.

Силы реакции при активной поддержке американских империалистов требовали от правительства Менокаля беспощадной расправы с забастовочным движением. Многие рабочие были арестованы и брошены в тюрьмы, многие (преимущественно испанцы) были высланы за пределы страны. Однако, несмотря на репрессии, в новом, 1918 г. забастовочное движение продолжалось с не меньшей силой. Среди многочисленных забастовок этого года наибольшее значение имели две — портовиков Гаваны и железнодорожников Камагуэя. Возмущение портовиков вызвал арест их представителей. Это произошло во время переговоров, в которых опять принимал участие сам президент. Чтобы сорвать забастовку, власти направили в порт под конвоем партию заключенных в качестве штрейкбрехеров. В ответ в Гаване началась всеобщая забастовка под лозунгом «За солидарность с портовиками, за освобождение аре-

¹⁶ Х. Ле Риверенд. Первые отклики кубинского народа на Великую Октябрьскую социалистическую революцию. «Новая и новейшая история», 1963, № 3, стр. 213.

стованных рабочих». Городской транспорт был парализован. Перестали выходить газеты. Начали поговаривать о возможной высадке американских войск. Обеспокоенное боевым характером забастовки правительство было вынуждено отступить, удовлетворив основные требования рабочих (повышение заработной платы и право контролировать заключенные трудовые договоры). В ознаменование этой победы рабочие организовали демонстрацию, которая у театра имени Хосе Марти была обстреляна полицией, безуспешно пытавшейся разогнать собравшихся. Подняв красные флаги, рабочие кричали: «Долой кубинского кайзера!» (то есть Менокаля). Вторая всеобщая забастовка началась в связи с выступлением железнодорожников восточных провинций, требовавших повышения заработной платы и признания их профсоюза. Правительство незамедлительно ввело войска в центр провинции Камагуэй. Ответом на это была всеобщая забастовка солидарности рабочих Сантьяго, а затем и гаванских рабочих. В столице остановился транспорт, закрылись рестораны, булочные, кафе, вновь перестали выходить газеты. Победа железнодорожников была, однако, неполной: они добились весьма умеренного повышения заработной платы и небольшого сокращения рабочего дня.

В знаменательный день 1 Мая 1918 г. рабочие Гаваны, Марианао, Гуанабаока, Сан-Антонио-де-лос-Баньос, Сантьяго-де-лас-Вегас и Сантьяго-де-Куба прекратили работу и вышли на массовые демонстрации и митинги. В Гаване празднование проходило под лозунгом: «Да здравствуют Советы!». Здесь на митинге, состоявшемся в театре «Пайрет», было зачитано «Приветствие народам России». В том же году группа анархистов Гаваны, разделявшая растущие симпатии рабочих к Советской России, пустила по рукам следующий документ: «Анархистская группа Гаваны» приняла решение напечатать этот купон («Купон для присоединения к России», в котором нужно было указать имя и место жительства.— А. З.) в котором нужно было указать имя и место жительства желающих присоединиться к революционному движению в России. Надо ответить на вышеупомянутые вопросы и приложить два сентаво для оплаты расходов по пересылке заявления в Россию за подписью желающего. Одновременно необходимо выяснить возможность создания в России колонии из испано-американских товарищей, которые, будучи свободными от предрассудков многовекового рабства, хотят жить в альтруистическом обществе свободных производителей, где нет эксплуатации человека человеком»¹⁷. Этот любопытный документ, на наш взгляд, отражает не только симпатии к Советской России, но и весьма примитивное и туманное представление его авторов о возможности «присоединения» кубинских граждан к «революционному движению в России».

В мае 1918 г. были запрещены рабочие собрания и усилены репрессии. Однако остановить все нарастающую забастовочную волну и массовые выступления трудящихся правительство не могло. Движение ширилось, охватывая все новые слои пролетариата. Несмотря на все еще царивший в его среде идеологический разброд, классовый инстинкт и неуклонный рост классового сознания вели кубинский пролетариат к более высокому уровню организованности, пролетарской солидарности, к активному участию в политической борьбе. Об этом свидетельствовало и то обстоятельство, что наряду с непосредственными, чисто экономическими требованиями рабочие все чаще стали выдвигать требования политического характера, как, например, прекращение репрессий, прекращение высылки иностранных рабочих, отмена обязательной воинской повинности, введенной во время войны, и т. п. «В 1919 г.,— констати-

¹⁷ Materiales de la Comisión de Investigaciones Históricas de las E.I.R. del Comité Central del Partido Comunista de Cuba.

рует Х. Ле Риверенд,— рабочее движение усилилось, в нем все более заметное место стали занимать люди марксистской ориентации, вдохновленные Октябрьской революцией»¹⁸. Эту точку зрения полностью разделяют и другие известные кубинские историки — С. Агирре, О. Лопес, Э. Думпиерре.

С большим подъемом отмечали в 1919 г. рабочие Кубы день 1 Мая. Улицы Гаваны были полны демонстрантов, которые, несмотря на запрет властей, несли красные флаги. На состоявшемся здесь массовом митинге с горячими речами в защиту Октябрьской революции выступили известные рабочие лидеры: Алехандро Баррейро, возглавлявший еженедельник рабочих-табачников «Boletín del Cigarrero», и рабочий-деревообделочник анархист Анхель Ариас. Под возгласы «В честь России и Ленина!», как сообщала газета «La Discusión», была принята резолюция против отправки войск интервентов во Владивосток, требовавшая «от европейских правительств прекращения преследования большевиков в России, дело которых рабочие считают своим»¹⁹. В августе 1919 г. в Кубинском обществе международного права Луис А. Баральт прочел лекцию о «Международном значении русской революции». В том же году было опубликовано значительное количество статей и брошюр, в которых трактовались вопросы, связанные с происшедшими в России событиями, давалась оценка диктатуре пролетариата и большевизма. И если одни авторы (хотя и претендовавшие на знание «рабочего вопроса») пытались все извратить, оклеветать и представить в самом мрачном свете, включаясь в антисоветскую кампанию, то другие с большой симпатией и любовью отзывались о социализме, об Октябрьской революции и Советской России.

Естественно, что наиболее передовые элементы кубинской интеллигенции и рабочего класса не могли оставаться равнодушными перед лицом развязанной правящими кругами кампании лжи и клеветы: первоочередной задачей они считали всемерную защиту Советской России от клеветнических нападок реакции, правдивое освещение событий и популяризацию идей пролетарской революции среди кубинских трудящихся. Немалую роль в этом благородном деле сыграла рабочая печать Кубы. Журналы и еженедельники «Via Libre», «La Voz rebelde», «Lucha de clase», «Solidaridad», «El Chofer», «Tierra», «La Voz del pueblo», «Labor Sano», «Boletín del Cigarrero», «Boletín del Torcedor», газета «Germinal» и другие печатали статьи таких деятелей рабочего движения, как Антонио Пеничет, Альфредо Лопес, Алехандро Баррейро и Карлос Балиньо, которые несколько лет спустя, в 1925 г., стали основателями Компартии Кубы. Деятель левого направления, писатель Мигель Анхель Карбонель, выступая в защиту русской революции, в брошюре «Парии» писал, что ему близок гнев народа, который, «устав жить под гнетом грубого сатрапа, восстал против своих палачей и эксплуататоров... Передовые идеи, содействующие могучим социальным преобразованиям, распространились по всему свету... Их приветствует и кубинский пролетариат — угнетенный, лишенный всех прав, влачащий нищенское существование в то время, когда богачи купаются в роскоши»²⁰. О сдвигах, происходивших в сознании передовых представителей рабочего класса и интеллигенции Кубы под влиянием Октябрьской социалистической революции, свидетельствовали выступления прогрессивного молодого историка, публициста и юриста Э. Роиг де Леучсенринга. В статье, посвященной социальным проблемам Кубы, он писал: «Меня называют «наполовину большевиком» за то, что я выступил в защиту рабочего лидера Пеничета... Должен пояснить. В наши дни принято называть «большевиком»

¹⁸ Х. Ле Риверенд. Указ. соч., стр. 24.

¹⁹ L. Primelles. Crónica cubana. T. 2. 1919—1922. La Habana. 1958, p. 91.

²⁰ M. A. Carbonel. Los parias. La Habana. 1920, p. 31.

того, кто думает иначе, чем другие, кто живет, пренебрегая бытующими предрассудками, условностями, институтами, верованиями и обычаями, социальными и политическими нормами современного общества... Что же касается меня, то я считаю себя не «наполовину», а «полностью» большевиком... Мой большевизм не является в точности русским большевизмом, среди прочих причин хотя бы и потому, что я кубинец и живу на Кубе. Однако я уверен в том, что, если бы я был русским и жил в России, я бы примкнул к Великой революции, которая 7 ноября 1917 г. передала власть большевикам, и был бы тогда вместе с Лениным... Россия сегодня является той кузницей, где выковываются и испытываются новые методы, которыми будет пользоваться человечество будущего»²¹.

Большой интерес представляют опубликованные в 1918—1922 гг. работы видного деятеля рабочего движения первой трети XX в. Антонио Пеничета, в защиту которого выступал Э. Роиг де Леучсенринг. Скромный рабочий-наборщик, преданный делу своего класса, Антонио Пеничет был активным участником и организатором многих забастовок. Ни тюрьма, ни преследования не могли заставить его отказаться от своих идей, от революционной борьбы. Одной из неоспоримых заслуг А. Пеничета являлась его деятельность как пропагандиста и популяризатора идей Великой Октябрьской социалистической революции, которую он горячо приветствовал. Еще в 1918 г. он писал о том, что в связи с революцией в России для рабочего класса Кубы открываются новые горизонты, которые должны использовать, чтоб идти вперед по новому пути. Историческая новелла Пеничета «Мятежная душа» в значительной степени была посвящена популярному изложению истории революционного процесса в России, Октябрьской революции и разъяснению декретов Советской власти. Беспощадно разоблачая распространяющуюся реакцией клевету на первое государство рабочих и крестьян, он писал, что классовый враг всячески пытается «дискредитировать русскую революцию, чтобы ограничить ее распространение и избежать ее заразительного влияния». Констатируя, что «Россия превратилась в сияющую звезду огромной притягательной силы», что русская революция вопреки проискам реакции распространится повсюду, Пеничет подчеркивал, что, претворяя в жизнь высокий принцип интернациональной пролетарской солидарности, свободная Советская Россия будет оказывать помощь народам, борющимся за свою свободу и независимость. Когда в 1919 г. против бастующих рабочих были брошены войска, Пеничет, обращаясь к рабочим и солдатам, писал, что солдаты — выходцы из среды тех же рабочих и крестьян и они должны выступать на стороне трудящихся; он призывал бастующих рабочих брататься с солдатами, а солдат — отказываться стрелять в своих братьев-рабочих²².

Эта мысль нашла отражение и в листовке, распространенной во время всеобщей мартовской забастовки 1919 г. в Гаване: «Надо использовать возможность захвата складских помещений в порту и распределить среди рабочих хранящиеся там товары. Мы должны брататься с нашими братьями-солдатами, которые также являются жертвами тираннии... Да здравствует свобода!»²³. Листовка выражала также глубокое возмущение действиями властей, прибегнувших к помощи американских вооруженных сил (в Гавану были вызваны 3 американских крейсера и 10 подводных лодок) для устрашения и подавления революционных выступле-

²¹ E. Roig de Leuchsenring. Los problemas sociales en Cuba. La Habana. S. a., pp. 14, 15, 17, 19.

²² A. Penichet. Del ambiente proletario. La Habana. 1918; e jus d. Tácticas en uso y tácticas a seguir. La Habana. 1922; e jus d. Alma Rebelde. La Habana. 1931, pp. 142—143; e jus d. El soldado Rafael. Páginas de la vida real. La Habana. 1919.

²³ Archivo Nacional de Cuba. «Juzgado de Instrucción de la Sección segunda. La Habana Secretario: R. Gavilan». Causa № 214. Año 1919. Delito: conspiración para la sedición.

ний кубинского пролетариата. 8 марта на стенах гаванских домов полиция обнаружила следующее воззвание: «...Желанный час настал. Улицы, заполненные трупами буржуазии и власть имущими, будут нашим лучшим триумфом. Когда же начнем? И чего мы ждем? Ее, буржуазию, не волнует печальное зрелище убогих хибарок, голодных и обтрепанных пролетариев... Поэтому нам, трудящимся, нечего терять, завоевать мы можем многое. Нам надо сбросить правительство и всех этих всесильных каналов — предпринимателей и правителей... Наш долг — создать Советы рабочих и солдат»²⁴. Эти и другие подобные листовки, а также брошюра А. Пеничета, попавшие в руки гаванской полиции, явились «вещественным доказательством» в судебном процессе, возбужденном против Пеничета и еще 33 рабочих, арестованных в конце мая 1919 г. по обвинению в «заговоре с целью организации восстания и установления Советской республики на Кубе»²⁵.

В 1919 г. забастовочная волна на Кубе охватила рабочих самых разнообразных специальностей. Бастовали железнодорожники, телеграфисты, портовики, грузчики, полиграфисты, рабочие сахарных плантаций, строительной промышленности. «В Гаване, — констатировал американский историк Л. Дженкс, — забастовки возникали непрерывно, и обычно победу одерживали рабочие»²⁶. Рост классовой сознательности и солидарности кубинского пролетариата выразился в организации трех всеобщих забастовок, охвативших страну в течение 1919 года. Наибольший интерес по своему размаху и накалу классовой борьбы представляла мартовская всеобщая забастовка. Она началась с длившейся около двух месяцев забастовки гаванских строительных рабочих, требовавших повышения заработной платы и признания своего профсоюза, и к марту переросла во всеобщую, охватив Сьенфуэгос, Сантьяго-де-лас-Вегас, Хибару, Сантьяго-де-Куба. В листовке-обращении Объединенного комитета рабочих организаций Гаваны к трудящимся и народу Кубы говорилось о том, что, «поскольку все возможные способы добиться справедливого решения конфликта исчерпаны», комитет считает необходимым обратиться к солидарности всех трудящихся и призвать их к участию во всеобщей забастовке. «Трудящиеся! — гласила листовка. — Момент наступил. Надеемся, что каждый выполнит свой долг солидарности... Да здравствует единство рабочих! Да здравствует забастовка!»²⁷. В Сантьяго-де-лас-Вегас, где бастовали рабочие консервной фабрики «La Sibana», забастовочный комитет призвал рабочих всех других предприятий принять участие во всеобщей забастовке, «охватившей всю республику», и поддержать своих братьев по классу, которых «господчики» с полными желудками хотят взять измором». «Трудящиеся, — призывал комитет, — единство нам поможет одержать победу. Будьте же тверды и решительны, ибо этого требует наше классовое достоинство»²⁸.

Аналогичным образом события развивались и в таком крупном центре Кубы, как Сьенфуэгос. Встревоженный ростом стачечного движения, американский консул в донесении госдепартаменту сообщил, что «забастовка носит большевистский характер»²⁹. Вашингтон не замедлил вновь отправить в кубинские воды свои военные корабли. Агрессивная политика США на Кубе усиливала недовольство кубинского населения, способствовала росту антиимпериалистических настроений как среди

²⁴ Ibid. «Policia Nacional. La Habana». Diligencia № 640A. Secretaría de Morejón 10 de Marzo de 1919.

²⁵ Ibid. «Juzgado de Instrucción de la Sección segunda». Causa № 214. Año 1919. Delito: conspiración para la sedición.

²⁶ L. J e n k s. Op. cit., p. 226.

²⁷ Archivo Nacional de Cuba. «Juzgado de Instrucción de la Sección segunda». Causa № 214. Año 1919. Delito: conspiración para la sedición.

²⁸ Ibid.

²⁹ L. P r i m e l l e s. Op. cit., p. 89.

пролетариата, так и среди передовой интеллигенции и студенчества. В конце мая в Гаване вспыхнула новая всеобщая забастовка чисто политического характера в знак протеста против ареста и высылки за пределы Кубы ряда испанских рабочих, активных участников забастовочной борьбы. Стремясь во что бы то ни стало помешать дальнейшему подъему рабочего движения, предприниматели и правительство перешли в контрнаступление. На неопределенный срок был запрещен выпуск рабочих периодических изданий, закрыты рабочие центры. По всей стране начались массовые аресты и высылки рабочих-иммигрантов. Напуганная накалом классовых боев, кубинская буржуазия требовала применения самых решительных мер, и президент без труда получил у конгресса разрешение отменить на месяц конституционные гарантии в целях более эффективной борьбы с рабочим движением.

Но все было тщетно. Желанное «умиротворение» не наступало: рабочий класс мужал и закалялся в борьбе, приобретая необходимые опыт и знания. В конце 1920 г. с новой силой вспыхнула забастовка гаванских портовиков, боровшихся против дороговизны, за повышение заработной платы. Знаменательно, что в качестве штрейкбрехеров на сей раз были использованы заключенные и добровольцы из «золотой молодежи» во главе с Майито — сыном президента. Между тем в знак солидарности с портовиками 23 января объявили забастовку железнодорожники и табачники. Правительство бросило против бастующих 400 солдат и около 2 тыс. штрейкбрехеров. Вновь были отменены конституционные гарантии. Менокаль во всеуслышание объявил, что «забастовками руководят из России». Если прежде революционных рабочих именovali «анархистами» и «германофилами», то теперь они получили новый эпитет — «анархобольшевиком» или просто «большевиком»³⁰. Даже временное поражение, явившееся следствием предательства профсоюзного руководства, не заставило рабочих прекратить борьбу: приостановленная 6 февраля стачка была возобновлена в июне и после трех месяцев упорной борьбы завершилась победой рабочих. Помимо портовиков, железнодорожников и табачников, в 1920 г. бастовали типографы, рабочие американских компаний («United Fruit Co», «Habana Electric Railway Co» и др.). Результатом этих упорных классовых боев был принятый в июне 1920 г. палатой представителей закон, устанавливавший для женщин 8-часовой рабочий день с минимальной зарплатой в 1,5 песо и разрешавший 50% женщин старше 14 лет работать в определенных отраслях промышленности.

Основание в 1919 г. Коммунистического Интернационала и в 1921 г. Красного интернационала профсоюзов (Профинтерна) оказало большое влияние на развитие рабочего движения на Кубе, содействуя росту его политической и классовой сознательности и развитию чувства международной пролетарской солидарности. В частности, это влияние сказалось на работе созванного в Гаване 14—16 апреля Национального рабочего конгресса. Наиболее важными из обсуждавшихся на конгрессе были вопросы о создании единого профсоюзного центра, необходимость в котором уже явно назрела, и о посылке делегатов на Панамериканский конгресс профсоюзов, организатором которого выступала АФТ, руководимая известным реформистом Гомперсом. Несмотря на широкую поддержку идеи создания единого профсоюзного центра, конгресс еще не смог оформить его организации и принял решение создать объединенный комитет, которому поручалось изучить этот важный вопрос и на основе учета мнений всех профсоюзных организаций выработать предварительный учредительный проект. Тот же факт, что вокруг второго вопроса разгорелись самые ожесточенные прения, был не случайным: это был вопрос о том, по какому из двух путей — реформистскому или ре-

³⁰ P. Serviat. Op. cit., pp. 60, 69.

волюционному — пойдет далее рабочее движение Кубы. Реформистское крыло конгресса во главе с А. Браво упорно добивалось участия Кубы в Панамериканском конгрессе и готово было даже «позолотить пилюлю», поручив кубинской делегации выступить на Панамериканском конгрессе с предложением признать Советское правительство в России и покинуть конгресс в случае отказа поддержать его. Но попытка спекулировать на симпатиях кубинского пролетариата по отношению к Советской России успеха не имела. Не только такие видные и авторитетные деятели революционного крыла кубинского рабочего движения, как А. Пеничет, А. Лопес, А. Баррейро и другие, но и большинство делегатов, выражая позиции и решения организаций, которые они представляли, высказались против участия в реформистском Панамериканском конгрессе профсоюзов. Зато предложение избрать представителей в Латиноамериканское Бюро III Интернационала было встречено всеобщим одобрением. Весь состав конгресса стоя приветствовал решение послать горячий привет «нашим братьям, которые в России установили республику Советов». Принятый конгрессом и вошедший в историю документ гласил: «Национальный рабочий конгресс... решил послать приветствие своим братьям, которые в России установили социалистическую республику Советов. Принесли неисчислимые жертвы и проявив нечеловеческую энергию, они сумели основать в стране, которая занимает шестую часть мира, правительство трудящихся и для трудящихся. Красная Россия является лучом света, манящим примером и стимулом для эксплуатируемых рабочих масс, стремящихся к своему освобождению и справедливости. Выражая наше горячее восхищение и симпатии, мы посылаем своим русским братьям свидетельство нашей революционной солидарности»³¹.

Буржуазная печать неистовствовала. Она расценила решение конгресса создать профсоюзное объединение как серьезную «опасность для страны». Газета «Diario de la Marina» в передовой статье писала: «Профсоюзный центр — это то, с чем мы до сих пор боролись... как с всепоглощающей... поощряющей и поддерживающей забастовки, конфликты и социальные революции силой. Силой, которая является передатчиком и пропагандистом коммунизма и русских Советов». Упомянув о забастовочной волне, охватившей Кубу, газета вопрошала: «Если Куба пала до такой степени, когда еще не создано никакого профсоюзного объединения, что же произойдет, когда оно появится?» В статье утверждалось, что в кубинских условиях вообще не требуется никаких профсоюзов: они, мол, явление «экзотическое» и «абсурдное» и, для того чтобы добиться каких-то улучшений или изменений, вполне достаточно имеющихся цеховых профсоюзных организаций³². Все это свидетельствовало о страхе кубинской буржуазии перед ростом рабочего движения, о том, что она прекрасно понимала, насколько умножатся силы и мощь рабочего класса, когда он объединит свои разрозненные профсоюзные организации в единый профсоюзный центр.

Несмотря на то, что конгресс был созван реформистскими элементами, главной целью которых было добиться избрания делегатов на Панамериканский конгресс профсоюзов, они не нашли поддержки и оказались в меньшинстве. На решения конгресса основное влияние оказало прогрессивное, левое его крыло во главе с А. Лопесом, А. Баррейро, Х. Пенья Вилабоа и А. Пеничетом. Эти новые явления в кубинском рабочем движении подметила даже буржуазная печать. В частности, такая газета, как «La Prensa», отличавшаяся более или менее демократическими тенденциями, констатировала, что если еще недавно в кубинском

³¹ Materiales de la Comisión de Investigaciones Históricas de las E.I.R. del Comité Central del Partido Comunista de Cuba.

³² Ibid.

рабочем движении преобладало «синдикалистское» направление, отрицавшее борьбу политическую и отдававшее предпочтение чисто экономической борьбе и пресловутому «прямому действию», то Национальный рабочий конгресс свидетельствовал о явном сдвиге в этом отношении. «Присоединение передовых отрядов кубинских рабочих к III Интернационалу,— писала газета,— является очевидным свидетельством того, что среди нашего рабочего класса находит себе сторонников идея необходимости ведения политической борьбы в целях осуществления и консолидации революции»³³.

Работа конгресса не прошла незамеченной и для властей, которые проявили по отношению к нему и его участникам максимум «внимания»: на конгрессе присутствовали агенты секретной полиции, не считая обычных полицейских, дежуривших у входа в помещение. Как и следовало ожидать, начались репрессии. Сразу после конгресса были арестованы А. Пеничет, М. Салинас, Ф. Сантос и С. Эррера. У первых двух при обыске обнаружили брошюру под названием «III Интернационал». Прокурор потребовал для этих «государственных преступников» длительного тюремного заключения. Только решительный протест широких масс трудящихся сорвал вынесение этого приговора, и в конечном итоге власти были вынуждены их освободить. Аресты, однако, продолжались; но полиция не арестовала ни одного представителя откровенно оппортунистического, реформистского направления. Предлогом для новых репрессий послужила начавшаяся вскоре после окончания работ Национального рабочего конгресса серия провокационных террористических актов (только за три дня, с 1 по 3 мая, было взорвано 8 и обнаружено 12 невзорвавшихся бомб). Полиция не преминула во всем обвинить «группу красных».

Несмотря на репрессии, первомайские празднества 1920 г. прошли под знаком массовых стачек, переросших во всеобщую забастовку, особенность и значение которой заключались прежде всего в том, что в активное участие в ней удалось втянуть около 2 тыс. неорганизованных рабочих. Завершающим важным событием бурного 1920 г. явилось создание 26 ноября Федерации рабочих Гаваны, которую возглавили видные деятели левого крыла кубинского рабочего движения. Генеральным секретарем Федерации был избран Хосе Пенья Вилабоа, вице-секретарем — Альфредо Лопес. Федерации удалось объединить почти все профсоюзные организации столицы, и, хотя она не стала еще профсоюзным объединением национального масштаба, ее создание было значительным шагом на этом пути. В преамбуле принятого Федерацией устава говорилось: «Перед лицом неоспоримой необходимости для лучшей защиты наших классовых интересов и достижения освободительных идеалов мы должны, как никогда раньше, объединить нашу энергию и обеспечить единство действий рабочих организаций, чтобы добиться единого пролетарского фронта, способного благодаря своей дисциплине, сплоченности и общности интересов избежать и противостоять подчинению со стороны организованной буржуазии»³⁴. Созданная в тяжелый для страны период, когда в конце 1920 г. на Кубе разразился глубокий послевоенный экономический кризис, прекративший «пляску миллионов», вызвавший массовые банкротства, безработицу и резкое ухудшение положения трудящегося населения, Федерация тем не менее сумела добиться принятия таких законов, как закон «О трудовых увечьях», «О рабочем надзоре в портах» и другие.

20 мая 1921 г. президентом республики стал бывший либерал Альфредо Сайас, глава созданной им в избирательных целях Кубинской народной партии, получившей поддержку консерваторов и американских

³³ Ibid.

³⁴ P. Serviat. Op. cit., p. 65.

сахарных монополий. Находившийся на Кубе с января 1921 г. личный представитель президента США Вудро Вильсона генерал Краудер занял положение фактического правителя, по своему усмотрению смещал и назначал министров, утверждал и отменял законы, оставив за Сайасом право блистать на приемах и военных парадах. Крупнейшие банки США подчинили своему контролю финансы страны, воспользовавшись крахом кубинских банков в результате кризиса. В сахарной промышленности абсолютное господство перешло к американским монополиям. Грубое вмешательство США в кубинские дела вызывало возмущение широких народных масс, рост антиимпериалистических настроений среди мелкой буржуазии и студенческой молодежи, нередко присоединявшейся к выступлениям рабочих. Жизненный уровень населения падал с катастрофической быстротой. Многие рабочие сахарных централей были вынуждены работать только за питание, без всякой оплаты. Усилился процесс политической радикализации среди широких слоев населения и росло классовое самосознание кубинского пролетариата, временно перешедшего в связи с новой обстановкой к оборонительным боям.

Большой переполох среди кубинской буржуазии вызвало известие о начавшейся 25 апреля 1921 г. забастовке рабочих и служащих «Cuba Railroad Co», парализовавшей железнодорожное сообщение трех наиболее крупных сахаропроизводящих провинций Восточной Кубы (Лас-Вильяс, Камагуэй и Орьенте). Председатель торговой палаты Сантьяго, города, в котором началась забастовка, Анхель Гарри в тот же день, 25 апреля, обратился с телеграммами о помощи ко всем торговым палатам и к президенту республики. «Такая забастовка в настоящее время, — отмечалось в телеграмме, — когда страна переживает тяжелый экономический кризис, пагубно отражается на сахарной промышленности, что является недопустимым и преступным... Учитывая крупные интересы, находящиеся под угрозой краха из-за несознательности компании и ее служащих, просим срочно вмешаться, чтобы содействовать разрешению конфликта»³⁵. Насколько действительно серьезное положение создалось на востоке Кубы в связи с забастовкой железнодорожников, задевшей насущные интересы сахаропромышленников, свидетельствует тот факт, что правительство незамедлительно откликнулось на призыв предпринимателей. 3 мая председатель Палаты торговли, промышленности и навигации острова Кубы в Гаване и председатель торговой палаты Сантьяго получили официальное извещение о согласии президента содействовать ликвидации конфликта и прекращению столь «угрожающей» для страны забастовки железнодорожников. В тот же день, когда на востоке Кубы началась забастовка железнодорожников, на западе, близ Гаваны, произошло другое событие, также серьезно взволновавшее имущие классы Кубы. В небольшом рабочем городе Регла глава муниципалитета Антонио Бош Мартинес 25 апреля издал декрет, объявивший 1 мая в данном муниципалитете официальным нерабочим днем в честь трудящихся. Помимо этого, Бош отдал распоряжение, «чтобы каждый год в этот день служащие всех учреждений были свободны в знак уважения... к рабочему классу и в знак сочувствия к тому духу солидарности, который находит свое выражение в этом знаменательном дне»³⁶.

Под влиянием идей Великой Октябрьской социалистической революции, в результате накопившегося опыта забастовочной борьбы, антиимпериалистических и демократических выступлений, явившихся следствием экономического и политического кризиса, охватившего страну в рассматриваемые годы, в кругах рабочих, передовых представителей интеллигенции и студенчества появилось стремление найти новые

³⁵ Archivo Histórico Regional de-Santiago-de-Cuba. «Huelga ferroviaria». Año 1921. Expediente № 61.

³⁶ «Литературная газета», 23, IV. 1960.

пути и формы для более успешной борьбы с засильем империализма США и опирающимися на его поддержку кубинскими господствующими классами. Новая обстановка и новая расстановка классовых сил, сложившиеся после победы Октябрьской революции на международной арене и непосредственно на Кубе, диктовали необходимость новой ориентации и определения новых путей развития рабочего движения на острове. В первую очередь это понял такой испытанный революционер-марксист, как Карлос Балиньо, являвшийся в этот период председателем Социалистического объединения Гаваны. 11 августа 1922 г. по его инициативе была созвана конференция, на которой основным предметом обсуждения стала выработанная им «Декларация принципов». В этом документе программного характера Балиньо подверг серьезному анализу положение, в котором находились рабочее движение на Кубе, а также международное рабочее движение, связав обе проблемы с победой социалистической революции в России и созданием III Интернационала. В результате трехдневной дискуссии к Балиньо, защищавшему новые принципы объединения, присоединилось меньшинство собравшихся. Среди них были такие рабочие-революционеры, как маляр Хосе Пенья Вилабоа, табачник Алехандро Баррейро, мраморщик Хосе Виласусо и Хосе Мигель Перес, ставший впоследствии первым генеральным секретарем Коммунистической партии Кубы. К. Балиньо и поддерживавшие его товарищи, которые высказывались за одобрение и признание 21 условия, принципов и тактики III Интернационала, а также «принципов русской революции», поставили своей задачей проведение среди городского и сельскохозяйственного пролетариата широкой пропаганды коммунистических идей³⁷.

Так был сделан первый важный шаг по новому пути, приведшему к созданию коммунистических организаций на Кубе. К Балиньо и его соратникам вскоре присоединилась группа профсоюзных деятелей, перешедших на позиции марксизма-ленинизма, и группа студенческой молодежи, объединившейся вокруг своего вожака, руководителя университетского студенчества и основателя Антиимпериалистической лиги — Хулио Антонио Мелья. Х. А. Мелья вошел в историю революционного рабочего движения на Кубе как один из главных организаторов Коммунистической партии Кубы и выдающийся пропагандист идей марксизма-ленинизма. 18 марта 1923 г. из этих трех групп, к которым примкнули еще некоторые представители передовой интеллигенции и рабочих, было создано Коммунистическое объединение Гаваны. Коммунистические группы были также созданы в других центрах страны: в Сан-Антонио-де-лос-Баньос, Гуанабакоа, Мансанильо, Медиа-Луна, Палма-Сорьяно, Байамо и Гуантанамо³⁸.

«Только после того, как великие идеи победоносной социалистической революции в Октябре 1917 г. проникли на Кубу, — констатирует ветеран, член ЦК Коммунистической партии Кубы Фабио Гробарт, — что совпало с экономическим крахом и его печальными социальными последствиями, имевшими место после «пляски миллионов» в 1920—1921 гг., на Кубе начало вырабатываться новое национальное сознание демократического и антиимпериалистического характера и произошел поворот в кубинском рабочем движении»³⁹. Почва для создания Коммунистической партии Кубы была подготовлена, и 25 августа 1925 г. молодая Коммунистическая партия Кубы положила начало новому этапу в развитии освободительного и массового рабочего движения на острове, всемерно содействуя его соединению с научным социализмом.

³⁷ P. Serviati. Op. cit., p. 93.

³⁸ «40 Aniversario del Primer Partido Marxista Leninista fundado en Cuba. Ediciones Comatiente Ejercito de Oriente. 1965, p. 18.

³⁹ F. Grobart. El movimiento obrero cubano de 1925 a 1933. «Cuba Socialista», 1966, № 60, p. 91.